

20 февраля исполнилось 170 лет с того дня, когда Александром I был утвержден доклад Министра Духовных дел и Народного Просвещения князя Голицына «Об учреждении университета в Санкт-Петербурге».

Этот юбилей был бы самым значительным явлением в университетской жизни, если бы публикации последних лет не привлекали внимания общественности попыткой альтернативного подхода, объявляющей несостоятельной традиционную датировку. Начало кампании положила статья в то время доцентов исторического факультета Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина «Сколько лет Петербургскому — Ленинградскому университету?» (ЛУ, 18 марта 1983 г.), венцом стала недавно вышедшая книга тех же авторов «Отечеству на пользу, а россиянам во славу», исследование по истории университетского образования в России в 18—начале 19-го века. Мы далеки от мысли дать обстоятельную критику последней работы, равно как и подвести итог так называемой дискуссии о возрасте Ленинградского университета, которая нам представляется больше как игра в одни ворота, но выявить квинтэссенцию этой, с позволения сказать, проблемы, пожалуй, не составит большого труда.

Более полутора столетий простояли на полках библиотек увесистые тома «Полного собрания законов Российской империи». О существовании Сенатского указа 1724 года (ПСЗ т. VII, № 4443), об учреждении Академии наук, академического университета и академической гимназии, о дальнейшей судьбе этих учреждений, конечно, знало не одно поколение историков, так что обращение к этому указу вновь нельзя расценивать как научное открытие. Между тем, в наши дни это обращение повлекло за собой попытку не только удревнить Петербургский университет, но и юридически закрепить за ним право быть старше Московского. Каковы же основания для подобных попыток?

Обращение к книге Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина вынуждает нас выразить сожаление, что в основу ее легли не архивные материалы, доля которых в общей массе использованной литературы едва составляет сотую часть, а опубликованные источники. Благодаря этому мы уверены, остаются большие возможности для исследователей: фонды Центрального государственного исто-

рического архива. С другой стороны, история Петербургского академического университета рассматривается в работе обособленно, без сравнения с Московским и тем более зарубежными университетами. Возможно, авторы и не ставили перед собой подобной цели, но если все-таки настаивать на том, что наша альма-матер была образована при Петре, то нужно, по крайней мере, уяснить себе, какое учреждение вообще следует именовать университетом. Если бы в книге была даже развернутая картина жизни европейских центров науки, их юридического статуса, научной и учебной деятельности, а затем уже были проведены параллели с Петербургом, то можно было бы выдвигать аргументы за и против. Вместо этого авторы ограничились весьма узким определением и использовали в качестве критерия выдержку из Проекта об учреждении Академии наук и художеств 1724 года, что «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусства), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают» (Уставы Академии наук СССР, стр. 31), что, на наш взгляд, совершенно необоснованно.

Слово «университет» происходит от латинского «универзитас», что означает целостность, совокупность, коллектив людей. Важной особенностью европейских университетов было то, что они пользовались правом самоуправления, автономии, что и было в общем-то критерием университета. Одной из привилегий студенчества были неподсудность городским властям, но только университетским. С этой точки зрения академический университет в Петербурге ни в коей мере не подходит под общие мерки. Что же касается его московского собрата, то небезынтересно отметить, что в проекте о его учреждении есть параграф, гласящий, что «учащиеся в Университете студенты не должны ни в каком другом суде ведомы быть, кроме университетского, и ежели приличится в каких-либо непорядочных поступках, то не касаясь

Много шума из ничего?

С. Лобачев

до них никаким образом, приводить их немедленно в Университетский дом, и Директор, который смотря по вине учинит им надлежащий штраф, или отошлет к тому суду, до которого такие дела принадлежат». (ПСЗ, т. XIV, стр. 291). Конечно, можно возразить, что со временем меняется смысл, вкладываемый в то или иное понятие, ведь даже теперь высшие учебные заведения в Советском Союзе не пользуются правом самоуправления, в отличие опять же от западноевропейских, и, говоря «университет», мы отнюдь не подразумеваем автономное учреждение. Можно возразить, что в России в начале 18-го века были особенные исторические условия и не было необходимости создания университета европейского типа. Но ведь нужно признать, что, если можно так выразиться, неполноценность академического университета осознавалась вполне отчетливо хотя бы тем же Ломоносовым, радевшим о необходимости торжественного учреждения университета в Петербурге, реорганизации его учебного процесса и т. д. (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 20—22). Именно поэтому им были приняты энергичные меры, чтобы московский университет был учрежден именно по образцу европейских.

МОЖНО предложить и другой подход. Один из участников дискуссии — доктор исторических наук профессор А. Н. Немилев — несколько лет назад писал, что «началом любого общественного организма, любого учреждения, следует считать не тот момент, когда это учреждение получило свое окончательное наименование, а тот, когда в нем возникла общественная необходимость». (ЛУ, 27 мая 1983 г.). Мы вполне разделяем эту точку зрения и поэтому хотим спросить у сторонников Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина: не является ли тот факт, что академический университет существовал с перерывами и изменениями в модификации, что его научная и учебная

личность дворян и разночинцев, которые, к тому же, часто жили в городе на обеспечении у своих родственников, чем значительно снижали расходы государства на образование. Петербург же недавно возникший на периферии страны при тогдашних средствах сообщения, не мог стать центром российского образования из-за своей удаленности. Все эти аспекты оговорены в именном императорском указе об учреждении Московского университета (ПСЗ, т. XIV, № 10 346). Ничуть не принижая вклад Ломоносова в развитие образования в России, нужно, видимо, признать, что великий ученый опережал свое время, пытаясь создать в Петербурге цитадель русской науки.

Эти рассуждения ни в коей мере не претендуют на истину в последней инстанции, но мы считаем, что отодвигать время основания Петербургского университета к началу 18-го века совершенно неправомерно, поскольку нельзя считать новую датировку абсолютно доказанной. К тому же, вся эта история помимо светлой, то есть чисто научной, имеет и темную сторону. Мы имеем в виду кампанию за официальное признание 1724 года годом рождения Ленинградского университета. Первые симптомы ее появились еще шесть лет назад (смотри, например, заметку «Восстановить истину!» профессора А. Федосеева, «ЛУ», 22 апреля 1983 г.), с новой силой она разгорается сейчас. Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин в конце своей книги высказались по этому поводу не совсем определенно: «...Не следует сводить назначение прошедшей в Ленинградском университете дискуссии о времени университетского образования в нашем городе (и настоящей книги) к тому, чтобы обосновать необходимость «отметить юбилей конкретного учреждения». Пафос поставленного вопроса в том, чтобы преодолеть несостоятельную традицию отсекать начало университета на Неве от его продолжения, каким стала учительская семинария с 1783 года и последующих предшественников Петербургского университета XIX в., среди которых — и Главный педагогический институт» (стр. 223). Из этих

достоверность («ЛУ», 23 декабря 1983 г.). 1724 год готов с полной решительностью отстаивать и ее автор Евгений Тонков, который даже выдвигает программу дальнейших действий).

В данном случае сослаться на бюрократизм вышестоящих органов, на некомпетентность министра Г. А. Ягодина, отказавшегося «восстановить справедливость», нет никаких оснований. Автор этих строк ни в коей мере не считает себя специалистом в области русской культуры 18-го века, но не нужно иметь глубокий аналитический ум, чтобы понять, что спор о возрасте Петербургского университета нельзя считать вполне разрешенным. Трудно предположить, что в 1819 году царское правительство из-за своего мракобесия умышленно предало забвению и Сенатский указ времен Петра I, и существование академического университета, и что выдающимся ученым, отмечавшим 100-летний юбилей своей альма-матер, было абсолютно безразлично, сколько лет их научному дому. Тем более было бы непостижительно впадать в какие-либо амбиции, что вопрос этот носит чисто научный характер и имеет лишь познавательный интерес. Значение книги Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина в том, что она привлекла внимание универсантов к истории своего вуза, к истории России вообще. Но, увы, волна лжепатриотизма захлестнула довольно широкие слои университетской общественности, и нам кажется, что мы стоим на пороге нового этапа борьбы за «историческую справедливость».

От редакции.

Позиция, как видите, достаточно убедительная, но неоспорная. Сторонники противоположной точки зрения при желании, пожалуй, даже найдут в этом материале подтверждение своим доводам — такова диалектика, и в отрицании иногда содержится утверждение. Не случайно в проекте Устава университета, который сейчас готовится, авторитетная комиссия посчитала нужным внести год рождения университета — 1724-й...